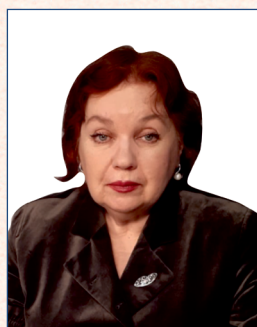

БИОГРАФИЧЕСКИЕ И АРХИВНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ / BIOGRAPHICAL AND ARCHIVAL RESEARCH

Оригинальная статья / Original article
<https://doi.org/10.15507/2658-5480.07.202501.076-094>
EDN: <https://elibrary.ru/vthxtn>
УДК / UDC 378.245.2Бахтин

Непримиримый «неофициальный оппонент» М. М. Бахтина (реконструкция биографии М. П. Теряевой)

И. В. Ключева

Национальный исследовательский Мордовский государственный университет,
г. Саранск, Российская Федерация
klyueva_irina@mail.ru

Аннотация

Введение. Актуальность исследования заключается в необходимости создания наиболее объективной и точной научной биографии М. М. Бахтина. Одним из условий достижения этого является воссоздание ее контекста, что предполагает, в частности, характеристику представителей окружения мыслителя: как друзей, так и недоброжелателей. Цель исследования – дать представление о личности «неофициального оппонента» на защите диссертации М. М. Бахтина – М. П. Теряевой.

Материалы и методы. В статье использованы разнообразные источники: протокол защиты диссертации М. М. Бахтина и связанные с ней материалы, введенные в научный оборот Н. А. Паньковым; тексты М. П. Теряевой, ее сестры – В. П. Зазубриной-Теряевой и дочери – И. И. Липилиной; издания научного, справочного, документального и популярного характера, содержащие информацию о представителях семьи Теряевых и лицах, входивших в их близкое окружение, и др. Применялись историко-культурный, сравнительно-исторический и биографический методы.

© Ключева И. В., 2025

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
The content is available under a Creative Commons Attribution 4.0 License

Результаты исследования и их обсуждение. Проведенная реконструкция биографии М. П. Теряевой показывает, что формирование ее личности происходило в непростых обстоятельствах жизни ее семьи, оказавшейся вовлеченной в жестокие события революции и Гражданской войны, пережившей репрессии 1930-х гг., утраты в Великой Отечественной войне. Автор приводит аргументы в пользу того, что «образ» М. П. Теряевой, рассматриваемый в бахтиноведении как однозначно негативный, заслуживает более корректных оценок: ее отношение к диссертации М. М. Бахтина не определялось какими-либо конъюнктурными соображениями, она была убежденным «борцом» с любыми (действительными или мнимыми) отклонениями от идеалов, которые отстаивала с юности и которым оставалась верна до конца.

Заключение. Статья вносит вклад в реконструкцию историко-литературного и социокультурного контекста, связанного с фигурой М. М. Бахтина, в устранение лакун в его научной биографии, в исследование его окружения. Сделанные автором выводы позволяют переосмыслить некоторые ключевые эпизоды истории академической жизни советского периода, избегая их упрощенных, однозначных трактовок. Материалы статьи могут быть полезны бахтиноведам, специалистам в области истории социально-гуманитарной науки в СССР.

Ключевые слова: М. М. Бахтин, защита диссертации М. М. Бахтина, М. П. Теряева, семья Теряевых, В. Я. Зазубрин

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Ключева И. В. Непримируемый «неофициальный оппонент» М. М. Бахтина (реконструкция биографии М. П. Теряевой) // Бахтинский вестник. 2025. Т. 7, № 1. С. 76–94. <https://doi.org/10.15507/2658-5480.07.202501.076-094>

The Irreconcilable “Unofficial Opponent” of M. M. Bakhtin (Reconstruction of the Biography of M. P. Teryaeva)

I. V. Klyueva

National Research Mordovia State University,
Saransk, Russian Federation
klyueva_irina@mail.ru

Abstract

Introduction. The relevance of the study lies in the need to create the most objective and accurate scientific biography of M. M. Bakhtin. One of the conditions for achieving this is the recreation of its context, which implies, in particular, the characterization of the representatives of the thinker’s environment: both friends and ill-wishers. The purpose of the article: to give an idea of the personality of the “unofficial opponent” in the defense of M.M. Bakhtin’s dissertation – M. P. Teryaeva.

Materials and Methods. The research is based on a variety of sources: the protocol of the defense of M. M. Bakhtin’s dissertation and related materials introduced into scientific circulation by N. A. Pan’kov; texts by M. P. Teryaeva, her sister – V. P. Zazubrina-Teryaeva and her daughter – I. I. Lipilina; scientific, reference, documentary and popular publications, containing information about representatives of the Teryaevs family and persons who were part of their close circle, etc. It employs historical-cultural, comparative-historical and biographical methods.

Results and Discussion. The conducted reconstruction of the biography of M. P. Teryaeva shows that her personality was formed in the difficult circumstances of the life of her family, which found itself involved in the cruel, uncompromising events of the revolution and the Civil War, survived the repressions of the 1930s, the losses in the Great Patriotic War. The author presents arguments in favor of the fact that the “image” of M. P. Teryaeva, considered in Bakhtin studies as unambiguously negative, deserves more correct assessments: her attitude to the dissertation of M.M. Bakhtin was not determined by any opportunistic considerations, she was a convinced “fighter” against any (real or imaginary) deviations from the ideals that she defended from her youth and to which she remained faithful to the end.

Conclusion. The article contributes to the reconstruction of the historical, literary and socio-cultural context associated with the figure of M. M. Bakhtin, to the elimination of gaps in his scientific biography, to the study of his environment. The conclusions made by the author allow to rethink some key episodes in the history of academic life in the Soviet period, avoiding their simplified, unambiguous interpretations. The materials of the article can be useful for Bakhtin scholars, specialists in the history of social and humanitarian science in the USSR.

Keywords: M.M. Bakhtin, the defense of M.M. Bakhtin’s dissertation, M.P. Teryaeva, the Teryaevs, V.Ya.Zazubrin

Conflict of interest: The author declares no conflict of interest.

For citation: Klyueva I. V. The Irreconcilable “Unofficial Opponent” of M. M. Bakhtin (Reconstruction of the Biography of M. P. Teryaeva). *Russian Journal of Bakhtin Studies*. 2025;7(1):76–94. <https://doi.org/10.15507/2658-5480.07.202501.076-094>

Введение

Актуальность исследования заключается в необходимости создания наиболее объективной и точной научной биографии М. М. Бахтина. Одним из условий достижения этого является воссоздание ее культурно-исторического контекста, что предполагает, в частности, характеристику представителей ближнего и дальнего окружения мыслителя – как его друзей, так и недоброжелателей. Цель статьи – дать представление о личности «неофициального оппонента» на защите его диссертации – М. П. Теряевой: выяснить некоторые подробности ее жизненного пути, выявить события и обстоятельства, повлиявшие на формирование ее характера и убеждений.

Впервые имя «одной из выступавших ученых дам, некой, при такой скандальной защите не растерявшейся, тов. Теряевой» в связи с защитой диссертации М. М. Бахтина 15 ноября 1946 г. было упомянуто Л. Е. Пинским в заметке «Памяти М. М. Бахтина». Заметка включена в его рукопись «Парафразы и памятования», датированную 1979 г., впервые опубликованную под псевдонимом Н. Лепин в 1980 г. в издававшемся во Франции русскоязычном журнале «Синтаксис» [1], затем вошла в 2007 г. в его книгу «Минимы» [2].

Выступление М. П. Теряевой в контексте развернувшейся полемики на тему правомерности сопоставления творчества Ф. Рабле и Н. В. Гоголя, упоминает С. А. Дубровская, отмечая, что в нем «очевиден перевод проблемы в политический контекст» [3].

Больше всего внимания М. П. Теряевой уделил Н. А. Паньков, который реконструировал историю защиты диссертации М. М. Бахтина, опубликовал ее протокол, ряд сопроводительных материалов и достаточно подробно прокомментировал их, представив краткую информацию об участниках действия, вошедшего в историю научной, литературной, культурной жизни советского времени [4–6]. Сведения о Теряевой

почерпнуты Паньковым из текста протокола защиты, а также из обнаруженного им ее письма в Комиссию по теории литературы и критике Союза писателей, адресованного А. А. Фадееву и датированного 1947 г.

На защите диссертации Бахтина М. П. Теряева утверждала, что данная работа в целом «неправильна», не является «достойной советского литературоведения», не отвечает «тем задачам, которые ставит ЦК партии», поскольку «порочным» является сам метод, примененный автором; главным недостатком диссертации она считала отсутствие «принципа партийности и политического подхода к литературоведению», «непонимание» автором «политики как руководящего принципа в построении литературных исследований», отсутствие «классового подхода к описываемым событиям» и ссылок на «наших лучших литературоведов», в числе которых она назвала А. И. Герцена, В. Г. Белинского, Н. А. Добролюбова, Н. Г. Чернышевского, а также В. И. Ленина и И. В. Сталина [6]. (Отметим, что в последующих вариантах диссертации такие ссылки появились.)

Речь М. П. Теряевой заставила чрезвычайно умного, тонкого, воспитанного человека – верного друга Бахтина Б. В. Залесского, представлявшего на его защите «группу поддержки», публично усомниться в ее интеллектуальных способностях: «Мне кажется, что первое выступление с известных точек зрения, с точки зрения требования от каждого выступающего понимания того, о чем он говорит, его надо отвести» [6, с. 214].

Н. А. Паньков называет точку зрения М. П. Теряевой «вульгарно-политизированной», ее риторику – «прокурорской», в целом ее монолог – «довольно смешным», а ее выпады против Бахтина – «опаснейшими (в прямом смысле!)» [6, с. 119, 132]. Сравнивая ее с еще одним «неофициальным оппонентом», «действовавшим в одном стиле» с ней, – Е. Я. Домбровской, он задается вопросом, жаждали ли они обе «геростратовой славы» или «самозабвенно (и догматично, с душевным самодовольством и ограниченностью) соблюдали “букву” марксистских принципов» [6, с. 140].

Для Н. А. Панькова М. П. Теряева «представляет собой занимательный и загадочный психологический феномен», ее «зловещий» образ, по его мнению, является «очень существенным для характеристики академических (да и политических) нравов соответствующей эпохи...» [6, с. 129, 130]. Исследователь при этом оговаривается, опасаясь обвинений в предвзятости своей оценки: «Давайте по крайней мере не откажем человеку в многомерности, масштабности духовного мира. Нельзя исключить того, что Теряева пламенно верила в отстаиваемые марксистские идеи и абсолютно искренне, а также вполне бескорыстно старалась предотвратить всяческое их утеснение, искажение или даже недооценку. Вся жизнь для нее – только борьба, и врагов она предпочла бы уничтожить, даже если они и сдадутся. А уж если не сдаются!...» [6, с. 129–130]. Однако, судя по тону его публикаций, сам он не верит в «многомерность» и «масштабность» духовного мира Теряевой.

Материалы и методы

В статье использованы различные источники – опубликованные и неопубликованные. Среди наиболее важных: протокол защиты диссертации М. М. Бахтина и связанные с ней материалы, введенные в научный оборот Н. А. Паньковым [4–6]; воспоминания М. П. Теряевой¹ и ее сестры В. П. Зазубриной-Теряевой²; издания научного, справочного, документального и популярного характера, содержащие информацию о представителях семьи Теряевых и лицах, входивших в их близкое окружение [7–10]; научные работы, связанные с изучением биографии и творчества писателя В. Я. Зазубрина [11–14],

¹ Теряева М. [П.] Наш канский дом. (Воспоминания) // У Братского перевоза: обозрение. Вып. 1. / сост. Г. И. Усольцева. Канск, 1996. С. 69–72.

² Зазубрина-Теряева В. П. Как рождались «Два мира» (Воспоминания о В. Я. Зазубрине) // Сибирские огни. 1967. № 3. С. 153–155.

труды по истории Енисейской губернии [15]. Используются также архивные материалы – неопубликованные или фрагментарно опубликованные в изданиях, не имеющих научного характера (письма М. П. Теряевой (1975, 1976) и ее дочери И. И. Липилиной (1984) к директору краеведческого музея г. Канска Г. И. Усольцевой).

Методологическая основа исследования сфокусирована на реконструкции биографии М. П. Теряевой как «неофициального оппонента» М. М. Бахтина и включает следующие методы:

- историко-культурный – анализ персональной биографии в соотношении с социокультурной средой, культурно-историческим контекстом;
- сравнительно-исторический – выявление изменений в развитии изучаемой персоны;
- биографический – анализ влияния биографического опыта личности на формирование ее идеологических установок.

Результаты исследования и их обсуждение

«Возраст ее мне выяснить не удалось», – писал Н. А. Паньков о М. П. Теряевой [6, с. 129]. Как мы выяснили, Мария Прокопьевна (Прокофьевна) Теряева родилась 6(19) февраля 1896 г., на три месяца позже М. М. Бахтина – т. е. практически была его ровесницей. На момент ее печально известного выступления на защите его диссертации ей было 50 лет.

Родители Марии Прокопьевны были сибирскими крестьянами. Отец – Прокопий Иванович Теряев, донской казак, оказавшийся в Сибири вместе со своим отцом в составе разжалованной казацкой сотни – жил в селе Решёты (Решоты) на берегу Бирюсы. В 1897 г. рядом с этим местом была построена железнодорожная станция Тайшет, с 1906 г. ставшая селом, с 1938 г. – городом. Мать – Анна Романовна Неизвестных была родом из таежной деревни Конторка (позднее – село Конторское или Конторско-Лавинское), находившейся также неподалеку от места, где был построен Тайшет, но на противоположном берегу реки. Крестьяне по фамилии Неизвестных, согласно семейному преданию, происходили из забайкальских казаков, которые также были когда-то сосланы в Сибирь, ставшую для них родным домом.

Поженившись, Прокопий Иванович и Анна Романовна жили в селе Решёты. Всего в их семье родилось 14 детей, четверо из которых умерли в раннем возрасте. В 1898 или 1899 г. по настоянию Анны Романовны, которая хотела, чтобы ее дети получили образование, семья переехала в уездный центр – город Канск Енисейской губернии (ныне Красноярского края), стоящий на берегу реки Кан (правый приток Енисея). Их связи с родственниками, жившими в Решётах и Конторке, оставались крепкими.

Канск не был оторван ни от других сибирских городов, ни от центральной России: помимо речного пути в 1740-х гг. через него прошел Сибирский тракт, в 1897 г. – Транссибирская железнодорожная магистраль. Как и другие сибирские города и села, Канск был традиционным местом ссылки «неблагонадежных». Его население прирастало как вольными переселенцами, так и (в значительной степени) ссыльными. Среди них были «строптивые» крепостные крестьяне, с которыми не могли справиться хозяева помещики, разжалованные казаки, декабристы, участники польского восстания 1863 г., революции 1905–1907 гг., марксисты (в том числе Ф. Э. Дзержинский (1909), Е. Д. Стасова (1913), Г. А. Усиевич (1911–1914) и др.).

Теряевы приобрели в Канске большой добротный дом, расположенный в конце улицы Большой (ныне Красноармейская). С одной стороны от него находилась пересыльная тюрьма, с другой – солдатская казарма. Впоследствии дом Теряевых стал одной из достопримечательностей города. В нем было шесть комнат с кухней; во дворе был флигель (одна комната и кухня), а также хозяйственные постройки (Теряевы держали корову, лошадей, птицу, собак, имели огород). И. И. Липилина с любовью описывала убранство комнат, семейный уют (застланные светлыми покрывалами

кровати, чистые сибирские половики и красивые дорожки на полу, в столовой – большой овальный обеденный стол с резными ножками, часто меняющиеся скатерти с комплектом тканевых крахмальных салфеток, венские стулья, большой красивый буфет, русские сервизы, постоянно кипящий самовар на медном подносе и огромные домашние пироги); с ностальгией вспоминала она елку в большой комнате и снежную горку для детских забав во дворе зимой, разбитые под окнами клумбы с разнообразными цветами летом³.

Деньги на дом глава семейства заработал извозом: ездил с обозами по сибирским морозам. Вероятно, именно это подорвало его здоровье: Прокопий Иванович умер в 1908 г., оставив вдову с десятью детьми. За этим несчастьем последовали новые: еще трое детей умерли от дифтерита.

Оставшихся в живых детей Анне Романовне, женщине сильной и выносливой, удалось поднять на ноги. Помимо ведения домашнего хозяйства она занималась и производственно-предпринимательской деятельностью: в перечне фабрично-заводских предприятий Канска на 17 июля 1919 г. указан мыловаренный завод Теряевой Анны Романовны⁴.

Согласно И. И. Липилиной, все дети, кроме самой старшей – Матрены, помогавшей матери по хозяйству, – окончили канскую гимназию (младшая дочь Галина окончила уже советскую школу)⁵. Однако до 1907 г. в городе были только училища: городское трехклассное мужское, три приходских (женское, смешанное и церковно-приходское) и частное еврейское⁶. Лишь в 1907 г. была открыта женская прогимназия, которая не сразу получила статус гимназии⁷.

Матрена («Мотя»), родившаяся в 1882 г., осталась без образования, о чем Анна Романовна «всегда горько сожалела»⁸. Выйдя замуж, Матрена уехала в Новониколаевск/Новосибирск, была домохозяйкой. Ее единственная дочь Софья, ставшая врачом-кардиологом и вышедшая замуж за военного, жила в Омске. Согласно И. И. Липилиной, на 1984 г. сын Софьи был заведующим кафедрой в Омском университете⁹.

Анна («Нюра»), родившаяся в 1888 г., в прогимназии (не говоря уже о гимназии) учиться не могла, поскольку на момент ее открытия ей было уже 19 лет. Вероятно, она окончила приходское училище (возможно, также и учительские курсы), после чего работала учительницей начальных классов. В справочных книгах Енисейской губернии есть информация о том, что Теряева Анна Прокопьевна учительствовала в церковно-приходской школе села Коркино (неподалеку от Красноярска)¹⁰, затем в Канском женском одноклассном приходском училище¹¹. Анна умерла в 1939 г., в возрасте 51 года. Вероятно, последние годы жизни она провела в Москве у сестер. По воспоминаниям И. И. Липилиной, Анна Прокопьевна очень любила и постоянно посещала «старый

³ Липилина И. И. Письмо к Г. И. Усольцевой от 29.07.1984. Канский краеведческий музей (далее – ККМ). № 4336/3. Номер в Госкаталоге: 24646729. URL: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=24792116> (дата обращения: 10.01.2025).

⁴ Крыштопа Н. С. Город над Каном. Красноярск : ООО «Горница», 2003. С. 96–97.

⁵ Липилина И. И. Письмо к Г. И. Усольцевой от 21.08.1984. ККМ 4336/4. Номер в Госкаталоге: 24646674. URL: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=24792219> (дата обращения: 10.01.2025).

⁶ Памятная книжка Енисейской губернии на 1905 год. Красноярск : Енисейская губернская типография, 1905. С. 57.

⁷ Царев В. И. Канск. Градостроительная летопись. Красноярск : Витал, 1996. 239 с.

⁸ Липилина И. И. Письмо к Г. И. Усольцевой от 21.08.1984.

⁹ Там же.

¹⁰ Памятная книжка Енисейской губернии на 1907 год. Красноярск : Енисейская губернская типография, 1907. С. 58.

¹¹ Памятная книжка Енисейской губернии на 1911 год. Красноярск : Енисейская губернская типография, 1911. С. 117; Памятная книжка Енисейской губернии на 1913 год. Красноярск : Енисейская губернская типография, 1913. С. 74; Памятная книжка Енисейской губернии на 1915 год. Красноярск : Енисейская губернская типография, 1915. С. 84.

МХАТ Станиславского, Качалова, Москвина, Книппер-Чеховой, молодых Андровской и Яншина и т. д. Театр Чехова, Горького, Булгакова...», много читала, отлично знала русскую литературу, любила природу¹².

В отечественную культуру вошло имя следующей дочери Теряевых – Варвары Прокопьевны (1894–1983), замужество которой сделало их семью известной далеко за пределами Канска. Она, как и ее младшие сестры, уже имела возможность учиться в открывшейся прогимназии, а затем и в гимназии.

Мария была двумя годами младше Варвары.

На три года младше Марии была Августина (Августа, «Гутя» (1899 – после 1984)), ставшая доктором экономических наук, профессором (занималась экономикой сельского хозяйства). Нам не известно, где она получила высшее образование – в одном из сибирских вузов или в Москве; из писем И. И. Липилиной следует, что в столице она оказалась не позже 1922–1923 гг., а скорее всего, раньше.

В начале 1930-х гг. Августина Прокопьевна работала в научно-исследовательском совхозном институте (система Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук им. В. И. Ленина), с конца 1930-х гг. – в Институте экономики АН СССР. На сайте института говорится, что она – ветеран Великой Отечественной войны (при этом неверно указано ее имя – Агриппина)¹³. В ее личной жизни не обошлось без трагедий: в конце 1920-х – начале 1930-х гг. умер ее сын, которому было примерно 8–10 лет. (Фотография сцены прощания с ним есть в Канском краеведческом музее. На ней среди родных и близких семьи запечатлены Августина Прокопьевна и Мария Прокопьевна с дочерью Ириной¹⁴.)

В 1902 г. родился сын Теряевых Владимир Прокопьевич. Мария Прокопьевна писала о нем: «Родился он в Канске. Там он входил в комсомольскую организацию... После Канска... одно время работал в Красноярске, а затем в Новосибирске зав. СибОНО (имеется в виду Западно-Сибирский краевой отдел народного образования. – И. К.)»¹⁵. И. И. Липилина поведала о нем также немного: «... работал зав. крайОНО, по его замыслу построен Новосибирский театр оперы и балета, талантливый организатор, умер в 1940-м...»¹⁶.

Мария Прокопьевна не захотела написать всю правду о судьбе своего брата, ее дочь, возможно, всей правды о его судьбе не знала. Владимир Прокопьевич, вероятно, окончил появившееся в Канске реальное училище. Из ряда источников следует, что у него было неоконченное высшее образование: два курса политехнического института; в 1925 г. он вступил в ВКП(б), в 1920-х гг. был инспектором ОНО Западно-Сибирского крайисполкома, заведующим школьным отделом крайкома ВЛКСМ и инструктором школ рабочей молодежи, с 1930 г. – заместителем председателя Западно-Сибирского краевого совета народного просвещения, с 1932 г. – заведующим Западно-Сибирским крайОНО¹⁷. Известна, по крайней мере, одна его научная публикация – в «Сибирском педагогическом журнале» в 1924 г. [10].

В статье С. А. Папкина утверждается, что в 1932–1936 гг. В. П. Теряев был директором педагогического института в Ворошиловске (Ставрополе) [8, с. 91]. Однако, судя по архивным документам, процитированным в диссертации С. А. Пономарева [9],

¹² Липилина И. И. Указ. соч.

¹³ Ветераны Великой Отечественной войны. Теряева Агриппина Прокопьевна // Институт Экономики Российской академии наук : офиц. сайт. URL: <https://inecon.org/institut/veterany-vov-i-truzhenniki-tyla/veterany-velikoj-otechestvennoj-vojny.html> (дата обращения: 10.01.2025).

¹⁴ Фотография «Похороны сына Августы Теряевой». ККМ 4388/6; номер в Госкаталоге: 24647114. URL: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=24792549> (дата обращения: 10.01.2025).

¹⁵ Теряева (Липилина) М. П. Письмо к Усольцевой Г. И. от 22.08.1975. ККМ 4336/10; номер в Госкаталоге: 24646727. URL: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=24792119> (дата обращения: 10.01.2025).

¹⁶ Липилина И. И. Письмо к Г. И. Усольцевой от 21.08.1984.

¹⁷ Теряев Владимир Прокопьевич // Открытый список. URL: [https://ru.openlist.wiki/Теряев_Владимир_Прокопьевич_\(1902\)](https://ru.openlist.wiki/Теряев_Владимир_Прокопьевич_(1902)) (дата обращения: 10.01.2025).

а также в альманахе «Возвращение памяти»¹⁸, в 1934 г. Теряев все еще занимал должность заведующего Западно-Сибирским крайОНО. Совершенно очевидно, что он не мог совмещать две должности в регионах, расположенных столь далеко один от другого. Следовательно, в Ставрополь он приехал не в 1932, а не ранее конца 1934 г. Здесь в сентябре 1936 г. Теряев был арестован по обвинению в контрреволюционной деятельности и приговорен к трем годам исправительно-трудовых лагерей¹⁹. Согласно И. И. Липилиной, он умер от болезни²⁰. Неясно, был ли он освобожден по истечении срока наказания или погиб в лагере.

Имя В. П. Теряева встречается в ряде исследований, связанных с культурной и социально-политической ситуацией в Сибири 1920-х – начала 1930-х гг. Так, С. А. Кочурина в монографии, посвященной истории педагогического образования в Сибири и на Дальнем Востоке, упоминает «острую критику» (в данном случае – вполне конструктивную) педагогического факультета Иркутского университета, с которой в 1926 г. он выступил, являясь инспектором СибОНО: выпускники «не в состоянии провести хороший урок», «крайне слабо ориентируются в вопросах методики обучения, поверхностно знают школьную жизнь, не умеют наладить связь школы с жизнью» [7, с. 240–241].

В 1929 г. В. П. Теряев принимал участие в «партийных чистках», подвергнув нападкам писателя Вивиана Азарьевича Итина (1893–1938). Бывший студент Петербургского психоневрологического института, затем юридического факультета Петербургского/Петроградского университета, ученик известного юриста и публициста профессора М. А. Рейснера и близкий друг его знаменитой дочери – Ларисы Рейснер, Итин во время Гражданской войны по стечению обстоятельств оказался в Сибири, находился в Красной Армии, в партизанских отрядах. Некоторое время он работал в родном городе Теряевых Канске (заведовал отделами агитации и пропаганды, политического просвещения, местного отдела РОСТА, был редактором газеты и председателем товарищеского дисциплинарного суда). В Канске в 1922 г. Итин издал в типографии газеты «Канский крестьянин» свою книгу – первый советский научно-фантастический роман «Страна Гонгури». С 1923 г. он жил в Новониколаевске/Новосибирске, являлся главным редактором журнала «Сибирские огни», председателем правления Западно-Сибирского объединения писателей.

В статье С. А. Папкова, в которой впервые вводятся в научный оборот материалы «чистки» 1929 г., подчеркивается: «Их содержание отражает... важную сторону внутренней жизни Коммунистической партии, члены которой заняты систематическим выяснением отношений друг с другом и поисками “компрометирующих фактов” в биографии однопартийцев» [8, с. 90]. В. П. Теряев утверждал, что в литературной деятельности В. А. Итина «не совсем ярко выражено лицо коммуниста», у него «барское отношение к партии. К собраниям он относится спустя рукава, выговоры ячейки называет “махаевским настроением”²¹. Его конкретной работы по ячейке не видно» [цит. по: 8, с. 91]. Как подчеркивает Папков, «чистка 1929 г. предстает как важная фаза» в судьбе Итина, «в ходе которой был подготовлен значительный компрометирующий материал для окончательной расправы с ним в период 1937–1938 гг.» [8, с. 89]. Нельзя забывать и того, что Итин сам участвовал в разного рода «чистках», был в свое время членом революционного трибунала и председателем дисциплинарного суда.

¹⁸ «Возвращение памяти»: историко-публицистический альманах. Новосибирск: Сибирский хронограф, 1994. С. 106.

¹⁹ Теряев Владимир Прокофьевич // Открытый список. URL: [https://ru.openlist.wiki/Теряев_Владимир_Прокофьевич_\(1902\)](https://ru.openlist.wiki/Теряев_Владимир_Прокофьевич_(1902)) (дата обращения: 10.01.2025).

²⁰ Липилина И. И. Письмо к Г. И. Усольцевой от 21.08.1984.

²¹ В. П. Теряев имеет в виду «махаевщину» (от имени польского революционера Я. В. Махайского (псевдонимы: А. Вольский, Махаев)), представлявшего направление индивидуалистического анархизма, враждебно относившегося к интеллигенции.

В диссертации С. А. Пономарева приводятся другие факты «разоблачительной» деятельности В. П. Теряева. Так, в его докладной записке в крайком ВКП(б) от 1 июня 1934 г. «О состоянии педагогических техникумов в Западносибирском крае» говорится о «весьма низком политико-моральном состоянии учащихся»: в ряде техникумов выявлены «"кулацкие писатели" стихов, направленных против соцсоревнования, а в одном техникуме «вскрыта "контрреволюционная группа студентов", распространявшая свои журналы и листовки» [9, с. 156]. Нельзя не отметить, что стиль и суть устных и письменных выступлений Теряева практически идентичны «духу и букве» выступлений его сестры Марии.

Самая младшая дочь в семье – Галина (в замужестве Адамович) окончила Тимирязевскую сельскохозяйственную академию, стала агрономом-селекционером. Свои последние годы она жила в Севастополе, в семье дочери. Галина и ее семья были особенно дружны с семьей Августины (вероятно, старшая сестра как коллега всегда помогала ей в профессиональной деятельности).

И. И. Липилина утверждает, что все дети Теряевых «были красивые, умные, прогрессивных взглядов, демократических убеждений», семья отличалась «одаренностью, гостеприимством, хлебосольством, домашними спектаклями и стойкими революционными традициями»²².

Революционные традиции в Канске и Канском уезде действительно были стойкими, что было в значительной степени обусловлено особенностями состава населения: вольнолюбивое крестьянство (немалой своей частью происходившее из разжалованных казаков), политкаторжане и ссыльные, постоянно ведущие активную пропагандистскую работу, представители рабочего класса (число которых увеличивалось с развитием железной дороги и промышленности, в том числе золотых приисков), солдаты военного гарнизона, а с началом мировой войны – военнопленные.

Как подчеркивает историк В. И. Федорова, в 1905 г. Енисейская губерния стала эпицентром революционных событий в Сибири [15]. В Канске волнения начались еще в 1902 г.: после смерти в местной больнице ссыльного студента в городе прошла антиправительственная демонстрация, затем начались забастовки и столкновения рабочих с полицией на городских предприятиях²³. В 1905 г. здесь была создана большевистская организация, в которую входили рабочие железнодорожных депо города и станции Иланской (поселок Иланский, с 1939 г. – город)²⁴. В январе 1906 г. в Канске прошла забастовка рабочих станции Иланской, поводом к началу которой стал арест около двух десятков человек (телеграфистов, мастеровых и машинистов) за агитацию на железной дороге. Прибывшие в Канск, затем последовавшие в Иланскую карательные экспедиции самым жестоким образом расправились с рабочими депо и их семьями (было убито и ранено более 100 человек, свыше 150 человек заключено в тюрьму)²⁵. С ноября 1905 г. до 1910 г. вся Енисейская губерния находилась на военном положении. Новый подъем революционного движения начался с 1916 г.: бастовали рабочие на железной дороге и промышленных предприятиях, начались «голодные бунты»²⁶.

На таком фоне выросли сестры и брат Теряевы в их большом уютном доме, расположенном между пересыльной тюрьмой и военной казармой. Анна учительствовала, все ее младшие сестры, будучи гимназистками, уже давали уроки. Как вспоминала М. П. Теряева, в 1914–1915 гг. в их доме образовался литературный кружок, в который входили старшеклассники из гимназии и реального училища: «обсуждали рус-

²² Липилина И. И. Письмо к Г. И. Усольцевой от 21.08.1984.

²³ Прокушев В. И. Канск. Красноярск : Краснояр. кн. изд-во, 1986. С. 52.

²⁴ Крыштопа Н. С. Указ. соч. С. 55–56.

²⁵ Там же.

²⁶ Там же. С. 57.

скую классику, литературные новинки и решили выпустить свой журнал», редактором и издателем которого стал «Миша Ошаров» (Ошаров Михаил Иванович, 1894–1937) – тогда учащийся реального училища, впоследствии известный сибирский писатель, погибший в годы репрессий); он «раздобыл где-то гектограф»; на этом гектографе в погребке во дворе Теряевых был отпечатан литературный журнал – «возможно, первый в Канске... тоненькая книжечка, с тетрадку величиной...»²⁷.

Первая мировая война принесла М. П. Теряевой личные переживания и, возможно, утраты. Она до конца жизни хранила датированный 23 ноября 1915 г. ответ на свой запрос в действующую армию, командованию 55-го Сибирского стрелкового полка о судьбе ее друга (возможно, жениха) прапорщика Григория Нигрицкого, в котором сообщалось, что 2 июля 1915 г. он был ранен и остался на поле боя: «был ли он взят в плен или ранение имело для него смертельный исход, неизвестно»²⁸. Имя подпоручика (уже не прапорщика) 55-го Сибирского стрелкового полка Григория Нигрицкого мы нашли в тексте Высочайшего приказа за февраль 1916 г. (дело № 14828): он награждался Орденом Св. Анны IV степени с надписью «За храбрость»²⁹. Был ли награжденный в это время жив, нам неизвестно, больше никаких данных о нем обнаружить не удалось.

Не совсем ясно, когда М. П. Теряева в первый раз уехала из Канска: И. И. Липилина пишет, что, окончив гимназию, ее мать «училась и учительствовала» в Томске, Казани (не указывая дат); в 1916 г. уехала в Москву³⁰. Мы обнаружили ее имя в «Списках лиц, окончивших, выбывших или подававших прошения о приеме на Московские высшие женские курсы 1900–1918 гг.»: она подавала прошение о приеме или училась на историко-философском факультете³¹.

Возможно, в Москве М. П. Теряева познакомилась с будущим мужем – Иваном Петровичем Липилиным (1894 – после 1958), однако не исключено, что они приехали туда вместе (возможно, из Томска, где учились). Некоторые биографические сведения о нем мы получили из ряда опубликованных источников. Из анкеты Всероссийской переписи членов ВКП(б), заполненной им в Екатеринбурге в 1922 г., следует, что он крестьянского происхождения (место рождения не указано), окончил двухклассное училище (продолжительность обучения – 5 лет), учительскую семинарию (4 года), учительский институт (1 год); в 1917 – начале 1919 г. работал в Москве учителем школы I ступени, затем инструктором на неких курсах, был курсантом; в 1919 г. был мобилизован в Красную армию и направлен в Екатеринбургское политуправление Уральского военного округа, в этом же году стал членом ВКП(б)³². Демобилизовавшись в 1920 г., Липилин поступил в Уральский университет (вероятно в политехнический институт, входивший тогда в состав университета), поскольку на вопрос о том, чему бы он хотел учиться, ответил: «техническим знаниям»³³.

Весной 1918 г. И. П. Липилин присутствовал на заседании ВЦИК, где видел В. И. Ленина (о чем он вспоминал 22 января 1943 г. в письме к известной актрисе и общественному деятелю М. Ф. Андреевой – бывшей гражданской жене А. М. Горь-

²⁷ Теряева М. [П.] Наш канский дом... С. 69.

²⁸ Ответ на запрос Теряевой М. П. о Нигрицком Григории. КKM 4388/9; номер в Госкаталоге: 24647102. URL: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=24792562> (дата обращения: 10.01.2025).

²⁹ Российский Государственный Военно-исторический архив. Фонд: Печатные издания. Д. № 14828, Высочайшие приказы за февраль 1916 г. С. 32.

³⁰ Липилина И. И. Письмо к Г. И. Усольцевой от 21.08.1984.

³¹ Списки лиц, окончивших, выбывших или подававших прошения о приеме на Московские высшие женские курсы 1900–1918 гг. URL: http://www.genarh.ru/363_6.htm (дата обращения: 10.01.2025).

³² Архив проектов МЦДИ: Липилин Иван Петрович. URL: <https://idun.urfu.ru/archive/handle/idun/23795> (дата обращения: 10.01.2025).

³³ Там же.

кого³⁴). М. П. Теряева оставалась в Москве, однако, по словам И. И. Липилиной, у нее тогда было слабое здоровье, в Москве был голод, и она поехала в Канск – через Екатеринбург: «Отец был там (в армии), он достал ей путевку в санаторий в Елабуге, оттуда она приехала в Канск»³⁵. Здесь в родном доме, 25 августа 1920 г. родилась ее дочь Ирина (через несколько лет у Липилиных появилась вторая дочь – Надежда).

1917–1919 гг. для Канска – время постоянной напряженной и ожесточенной борьбы различных сил: со старой властью боролись представители как «умеренных», так и крайне левых партий. После Октябрьской революции здесь была провозглашена Советская власть, однако в мае 1918 г. город был взят силами Чехословацкого корпуса. Начавшееся в декабре 1918 г. Канско-Иланское народное вооруженное восстание было жестоко подавлено, но в городе оставалось революционное подполье, население уезда массово уходило в тайгу, в партизанские отряды.

Одной из ярких фигур партизанского движения был Иван Андреевич Бич, получивший известность как Бич-Таежный (1881–1919), семья которого породнилась с семьей Теряевых-Неизвестных. М. П. Теряева утверждала, что Бич был ссыльным поляком³⁶, хотя, согласно всем источникам, он был белорусом, родившимся в Виленской губернии³⁷. Несомненно, Бич был человеком незаурядным. Происходивший из крайне бедной многодетной крестьянской семьи, с детства батрачивший у помещика, он упорно стремился к знаниям: несмотря на многочисленные препятствия, окончил двухклассное училище, активно занимался самообразованием и сумел сдать экстерном экзамен за курс учительской семинарии. Бич не был ссыльным: он переселился в Сибирь после революции 1905–1907 гг. вместе с родственниками (мать, две сестры, жена, дети) по собственной воле, опасаясь политических преследований, поскольку участвовал в революционных событиях (ранее, в 1904 г. сюда переселился со своей семьей его брат Арсений).

И. А. Бич с семьей поселился в родном селе А. Р. Теряевой – Конторке, подружился с ее братьями – Иннокентием и Гаврилой («Ганей») Неизвестных; сестра Бича Мария («Маня») вышла замуж за Гаврилу. Бич занимался крестьянским хозяйством в селе, затем работал сцепщиком вагонов на станции Тайшет, был сельским учителем и писарем в селах и деревнях Конторской волости. После Февральской революции жители волости избрали его своим делегатом на уездный крестьянский съезд в Канск. После Октябрьской революции Бич остался в Канске: его избрали членом уездного продовольственного комитета, он представлял эту организацию в местном объединенном Совете рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. В январе 1918 г. Совет отправил Бича в Красноярск на губернский продовольственный съезд, который избрал его продкомиссаром в новую губернскую продовольственную управу. В Красноярске Бича застал мятеж белочехов. Ему удалось пробраться в Конторку и тайно вывезти свою семью на плоту по Бирюсе в деревню Тремино Шелаевской волости. Устроившись там работать, он начал вести агитацию среди населения, призывая организовывать партизанские отряды.

В Канском уезде образовался один из очагов партизанской войны против колчаковцев и белочехов. В конце декабря 1918 г. восстало село Тасеево, где было объявлено о восстановлении Советской власти (возникла Тасеевская Республика), за ним восстали и другие волости. Ранней весной 1919 г. крестьяне подняли восстание в селе Шиткино, которое быстро разрасталось по окрестным селениям – в результате был открыт

³⁴ Андреева Мария Федоровна. Переписка. Воспоминания. Статьи. Документы. Воспоминания о М. Ф. Андреевой / сост., ст. и коммент. А. П. Григорьевой и С. В. Щириной. Изд. 3-е, доп. и перераб. М.: Искусство, 1968. С. 440–441.

³⁵ Липилина И. И. Письмо к Г. И. Усольцевой от 21.08.1984.

³⁶ Теряева (Липилина) М. П. Письмо к Г. И. Усольцевой от 22.08.1975.

³⁷ Бич Иван Андреевич // Биографический справочник. Минск: Белорусская Советская энциклопедия имени Петруся Бровки, 1982. Т. 5. С. 59.

Шиткинский партизанский фронт из семи отрядов, в числе которых были Шелаевский и Конторский. К концу марта шиткинские партизаны установили тесные связи с тасеевскими. Колчаковцы безжалостно расправлялись с партизанами и их семьями, сожгли ряд деревень и сел, в том числе Конторку и Тасеево.

Исследователи спорят о той роли, которую сыграл в партизанском движении И. А. Бич: одни считают его большевиком, организатором и руководителем Шиткинского партизанского фронта³⁸, другие утверждают, что он был эсером-максималистом или анархистом, выступал не за власть Советов, а за Учредительное собрание, отказывался подчиняться большевикам и соблюдать дисциплину, руководил лишь небольшим отрядом жителей Конторки и в целом выступал против централизации партизанского руководства³⁹. Тем не менее никто не оспаривает большого личного мужества Бича и весьма успешной активности его отряда, совершавшего рейды по тылам белочехов и колчаковцев, едва ли не ежедневно крушившего поезд с воинскими грузами и войсками.

С 29 августа по 2 сентября 1919 г. проходил очередной партизанский съезд, на котором И. А. Бича избрали в агитационный отдел, однако 6 сентября он попал в плен к белорусынам и 1 октября был повешен на станции Тайшет; был убит и его брат Арсений. Иннокентий и Гаврила Неизвестных, жена Гаврилы Мария (сестра Бича) также были партизанами. Иннокентию удалось выжить; Гаврила погиб, его жена и ребенок умерли от болезни в тайге, в партизанском отряде.

Одна из учениц Августины Теряевой, белорусский ученый-экономист Е. И. Кивейша, писавшая под ее руководством кандидатскую диссертацию, утверждала, что ее руководитель в прошлом была революционеркой, участницей событий гражданской войны в Сибири⁴⁰. Нам неизвестно, где именно в Сибири находилась во время войны Августина Прокопьевна, судя по имеющимся в нашем распоряжении материалам, в Канске ее в это время не было.

События гражданской войны в Сибири застала Варвара Прокопьевна Теряева. После окончания гимназии она отправилась в Омск, где поступила в Сибирскую сельскохозяйственную академию. (И. И. Липилина ошибочно утверждала, что Варвара училась в Томске⁴¹.) Занятия были прерваны в 1919 г., когда город стал ставкой Колчака. Варвара Прокопьевна вспоминала, что на улицах появилось много военных (белогвардейцы, чехословаки, интервенты) и толпы беженцев. Все корпуса академии были отданы под госпиталь, студентов перевели в купеческий особняк, который вскоре «понадобился французам»: занятия продолжились в бывших винных складах, но скоро прекратились совсем; стремительно развивавшиеся события заставили ее уехать домой по железной дороге, забитой солдатскими эшелонами и беженцами: «Когда я вернулась в Канск, то и через него уже катилась на восток людская волна... К городу, тесня белых, подступали части Красной армии и вышедшие из тайги партизаны»⁴². 31 декабря 1919 г. в Канск переехал армейский Совет Северо-Канского партизанского фронта (Тасеевской Республики), в январе 1920 г. в город вошли регулярные части Красной армии.

В конце декабря 1919 г. в доме Теряевых появился незнакомый человек из партизанского отряда: «назвался Владимиром Яковлевичем Зубцовым и предъявил

³⁸ Иван Бич-Таежный // Революционный подвиг сибиряков: биографии борцов за власть Советов на земле Иркутской. Иркутск : Восточно-Сибирское кн. изд-во, 1972. С. 56–57.

³⁹ Лифантьев А. Н. По поводу популяризации личности И. А. Бича-Таежного (1975). URL: <https://taishettoday.ru/information/47> (дата обращения: 10.01.2025).

⁴⁰ См.: Корнилович Э. Земля – основа нашей жизни // Эканамист: орган УА «Дзяржауны эканамічны ўніверсітэт» [Минск]. 2013, № 4 (999), 7 сакавіка. С. 3.

⁴¹ Липилина И. И. Письмо к Г. И. Усольцевой от 21.08.1984.

⁴² Зазубрина-Теряева В. П. Указ. соч. С. 153.

ордер на комнату»⁴³. Незнакомец войдет в историю русской литературы как первый советский писатель В. Я. Зазубрин (1895–1937). На третий день после заселения жилец Теряевых заболел тифом. Больного выхаживали Анна и Варвара, которая вскоре стала его женой.

Внешне похожая на приключенческий роман, по существу глубоко трагичная жизнь В. Я. Зубцова-Зазубрина и его незаурядное творчество привлекают внимание многих исследователей [11–14]. Будущий писатель родился и провел детство в Пензе, затем семья переехала в Сызрань, где он еще в годы обучения в реальном училище стал революционером-подпольщиком. Зубцов неоднократно арестовывался (как при императорской власти, так и при Временном правительстве), затем был мобилизован в армию и попал в юнкерское училище. После Октябрьской революции он оказался на территории, находившейся под властью Уфимской директории и как бывший юнкер был направлен в Оренбургское военное училище, вскоре эвакуированное в Иркутск. По окончании училища в июле 1919 г. получивший звание подпоручика Зубцов вместе с другими выпускниками отправился в Омск (где их приветствовал на торжественном приеме адмирал Колчак), затем находился в занятом колчаковцами Канске, откуда попал на Тасеевский фронт – на борьбу с партизанами. В октябре 1919 г. он сумел убедить солдат своего и соседнего взводов прорваться через посты и с оружием уйти к партизанам. Если солдат (бывших рабочих) партизаны приняли сразу, то к Зубцову как к офицеру отнеслись с недоверием. Однако среди них оказались революционеры, отбывавшие в свое время ссылку вместе с большевичкой из Сызрани, от которой знали имя подпольщика Зубцова. Вожди партизанского движения направили его в агитационный отдел при армейском Военном Совете – выпускать партизанскую газету (он с ранней юности сотрудничал в революционных изданиях).

После выздоровления В. Я. Зубцов начал работать в газете Канского ревкома и укома партии «Красная звезда», одновременно читал лекции красноармейцам, преподавал в партшколе. Побывавший в лагерях и белых, и красных, Зубцов как «извне», так и «изнутри» увидел обе стороны конфликта; в Канске и в уезде он постоянно встречался с бывшими партизанами. В доме Теряевых Зубцов начал писать беспощадно правдивый роман «Два мира», показав в нем как лагерь колчаковцев и интервентов, так и восставший против них народ.

М. П. Теряева не была непосредственной участницей или свидетельницей всех этих событий (хотя, возможно, она приезжала в Канск в 1917 г., поскольку в письме к Г. И. Усольцевой сообщала, что виделась после Февральской революции со своим дядей Гаврилой Неизвестных, который рассказал ей, что еще до революции он входил в подпольную группу, созданную в их селе (вероятно, И. А. Бичем)⁴⁴. Она вновь приехала в Канск в 1920 г., когда память об этих событиях у ее родных и оставшихся в живых местных жителей была совсем свежей. Мария Прокопьевна была свидетельницей создания романа «Два мира» и сбора материалов для него, в частности встречи В. Я. Зубцова с Иннокентием Неизвестных⁴⁵. И. А. Бич-Таежный для нее навсегда остался идеалом человека и революционера. В 1976 г. она писала Усольцевой о фотоснимке памятника знаменитому партизану, установленного в Тайшете в 1958 г.: «... волевое, мужественное лицо... В этом человеке, когда девочкой-школьницей я увидела его в семье моего деда и бабушки, было то, что предвещало человека большой

⁴³ Там же.

⁴⁴ Теряева (Липилина) М. П. Письмо к Г. И. Усольцевой от 22.08.1975.

⁴⁵ Теряева (Липилина) М. П. Письмо к Г. И. Усольцевой от 02.03.1976. КKM 4336/11. Номер в Госкаталоге: 24646724. URL: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=24792122> (дата обращения: 10.01.2025).

судьбы... Ближайших его помощников, моих дядей Гаврилу и Иннокентия, полупролетариев, работавших в свое время на железной дороге и на приисках, тоже никак нельзя считать людьми неорганизованными. Думаю, что приклеивание ярлыков “анархистских настроений”, “партизанщины” – результат недомыслия некоторых критиков, не умеющих подойти к вопросу по-ленински: разобрать его диалектически, “во всех связях и опосредованиях”»⁴⁶. Мария Прокопьевна написала очерк «Известные партизаны Неизвестные», машинописную копию которого приложила к своему письму, адресованному Усольцевой⁴⁷. Она всегда гордилась своими родственниками-партизанами.

В Канске, когда там жила Мария Прокопьевна с маленькой Ириной, у ее сестры Варвары в 1921 г. родился сын Игорь. Вскоре В. Я. Зубцова призвали в Красную армию: он редактировал газету «Красный стрелок» в Иркутске. Здесь же был завершён и в ноябре 1921 г. впервые издан его роман «Два мира» под именем В. Я. Зазубрина. Избранный псевдоним стал его официальной фамилией. Роман неоднократно переиздавался (12 раз при жизни автора), был одобрен А. М. Горьким, В. И. Лениным, А. В. Луначарским.

В феврале 1922 г. В. Я. Зазубрин был демобилизован из Красной Армии и вернулся в Канск, где за короткое написал ряд новых произведений: повести «Щепка» (1922–1923, позже переработана в роман), «Общежитие» (1923), рассказ «Бледная правда» (1922–1923), в которых без прикрас показал жесточайшие реалии первых лет новой советской действительности. «Щепка», рассказывающая о расстрелах в подвалах ЧК, была опубликована только в 1989 г. Судя по этим произведениям, Зазубрина во многом разочаровали новые порядки.

М. П. Теряева до 1922 г. (пока муж учился в Екатеринбурге/Свердловске) находилась в Канске, затем вместе с дочерью приехала в Москву к сестре Августине, у которой была там маленькая комната. Когда И. П. Липилин, окончив университет, вернулся из Свердловска, Ирину отправили в Канск к бабушке, поскольку в комнате Августины стало совсем тесно.

Как следует из обнаруженного Н. А. Паньковым письма М. П. Теряевой на имя К. А. Федина, в 1923–1930 гг. она училась в МГУ, где «вела борьбу против вульгарной меньшевистской социологии Переверзева» [6]; вероятно, в это время она вступила в ВКП(б).

Н. А. Паньков писал, что М. П. Теряева «пробовала свои силы и на писательском поприще, выпустив несколько книжек для детей и юношества...» [6, с. 131]. Он приводит далеко не полный перечень ее книг. Судя по письмам дочери, «писательское поприще» было (по крайней мере, в 1920-х – первой половине 1930-х гг.) основным полем ее деятельности. И. И. Липилина говорит о ней: «литератор», «писательница» и лишь после этого – «доцент» и сообщает, что в 1920-х гг. она работала с Н. К. Крупской и К. Т. Свердловой⁴⁸. Обе вдовы большевистских лидеров с 1920 г. работали в системе народного образования: Крупская была председателем Главполитпросвета при Народном комитете просвещения; с 1929 г. – заместителем наркома просвещения РСФСР; Свердлова была ее ближайшей сподвижницей, входила в состав Ученого Совета Наркомпроса РСФСР, заведовала Отделом детских учреждений ВЦИК, Отделом детской литературы, затем Отделом учебников Объединенного государственного издательства. Под руководством Свердловой были изданы первый советский букварь «Смена» (авт.-сост. А. Г. Малютина, М. П. Теряева, Н. Р. Эйгес; 1926, 1927, 1929), первая и вторая книги для чтения «Искорка» (авт.-сост. М. П. Теряева; 1930) и «Советские ребята» (авт.-сост. А. Г. Малютина, М. П. Теряева; 1928, 1929). Теряева также является автором книг для детей: «Кровавый урок. [Рассказ о 9 января 1905 г.]» (1925, 1928, 1930), «Гирни Камгар. Красный флаг» (1930); «Люлю, французский мальчик» (1930) и научно-популярного очерка для юношества «Первая русская революция. 1905–1907» (1930). Ряд ее рассказов для детей был опубликован в журналах.

⁴⁶ Теряева (Липилина) М. П. Письмо к Г. И. Усольцевой от 02.03.1976

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ Липилина И. И. Письмо к Г. И. Усольцевой от 29.07.1984.

М. П. Теряева также выступала в печати как автор критических статей о детской литературе: «Лицо автора детской книги» («Книга и революция», 1930. № 19); «На фронте без перемен. [Общественно-политическая детская книга.]» («Книга и революция», 1930. № 27); «О кадрах детской литературы. [К 1-му Всероссийскому совещанию по детской литературе]» («За коммунистическое воспитание», 1930, вып. 9); «Надо драться за качество. Обзор продукции детской литературы [1930 г.]» («За коммунистическое воспитание», 1931, вып. 2). Обращает на себя внимание использование автором «боевой» лексики в статьях о детской литературе: «фронт», «драться».

Вместе с М. П. Теряевой работал и ее муж. И. И. Липилина писала, что ее отец в 1920-х гг. был редактором⁴⁹. Под редакцией К. Т. Свердловой издана его книга «Как советская власть строит новую жизнь, и что говорил об этом Ленин» (1928, 1929). Вышедшая на русском, книга была также издана на других языках, в том числе на мордовских (мокшанском и эрзянском), польском.

С 1930-х гг. жизнь И. П. Липилина была связана с наукой: он работал в Московском институте стали им. Сталина, затем (возможно, одновременно) являлся старшим научным сотрудником Института общей и неорганической химии АН СССР, членом Ученого совета этого института. Позже в этом институте работала и его дочь Ирина, ставшая в 1955 г. кандидатом химических наук.

Зазубрины с 1923 по 1928 г. жили в Новониколаевске/Новосибирске. Их сын Игорь, как и Ирина Липилина, находился некоторое время в Канске. Автор «Двух миров» стал одним из руководителей журнала «Сибирские огни» (секретарем, затем главным редактором) и организатором (вскоре председателем) Союза сибирских писателей. В конце 1920-х гг. против него резко выступили местные представители РАППа, добившись его исключения из партии и изгнания из «Сибирских огней». (Главным редактором журнала становится В. А. Итин, с которым они подружились еще во время совместной работы в Канске, затем вместе работали в «Сибирских огнях» и который посвятил ему одно из своих стихотворений. Не обидой ли на Итина, занявшего место В. Я. Зазубрина, продиктовано выступление против него на «чистке» 1929 г. В. П. Теряевой?).

В 1929 г. Липилины, вероятно, получив свою жилплощадь, забрали из Канска Ирину и Анну Романовну. «Тетя Гутя к тому времени имела уже отличную небольшую квартирку близ Тимирязевки и свою семью», – вспоминала И. П. Липилина⁵⁰.

В. Я. Зазубрин с семьей после нескольких лет скитаний также был вынужден уехать в Москву – к А. М. Горькому, который высоко его ценил. Находясь под покровительством классика советской литературы, он работал в Госиздате, в журнале «Колхозник», опубликовал свой новый роман «Горы», был делегатом I Всесоюзного съезда писателей, членом правления Литфонда. Горький постоянно проявлял заботу о Зазубрине и его семье: в частности, он отправил на лечение тяжело заболевшего сына писателя, Зазубрин помимо квартиры в Москве получил дачу в Переделкине. По словам И. И. Липилиной, Зазубрин нечасто, но бывал в их семье, «рассказывал о своих планах литературных, о работе редакторской...»; она пользовалась большой, «во всю стену» библиотекой Зазубриных, бывала у них на даче в Переделкине, «однако постоянного общения, увы, не было»⁵¹.

В РГАЛИ имеется ряд материалов, связанных с деятельностью М. П. Теряевой в 1930-х гг. В датированной 1927–1931 гг. «Коллекции материалов о призыве рабочих-ударников в литературу» мы обнаружили документ под названием «Рапорты Теряевой М. о проделанной работе по призыву рабочих ударников в литературу на

⁴⁹ Липилина И. И. письмо к Г. И. Усольцевой от 29.07.1984.

⁵⁰ Там же.

⁵¹ Там же.

фабрике «Москошвей 4»⁵². Известно, что таким «призывом» занимался РАПП, следовательно, Теряева являлась в это время его активисткой. В архивном фонде редакции журнала «На литературном посту» сохранилась рукопись рецензии М. Елизаровой, Т. Козьминой и М. Теряевой на книгу итальянского революционера-коммуниста, журналиста-антифашиста Эдмондо Пелузо «Гражданин мира», вышедшую в московском издательстве «Федерация» в 1931 г. (издававшуюся также в 1927 и 1930 гг.)⁵³.

Н. А. Паньков обнаружил в архивном фонде журнала «Литературный критик» неопубликованные статьи М. П. Теряевой «Стендаль и буржуазный реализм» и «Стендаль – основоположник реалистического романа XIX в.», относящиеся к середине 1930-х гг. [6, с. 131]. В архиве издательства «Academia» (М.–Л.) нами обнаружено дело под названием «Переписка с Д. Ф. Сверчковым, М. П. Теряевой и др. об издании сочинений Стендаля с приложением образцов переводов и отзывов о них», датированное 10 июня 1935 г. – 9 марта 1937 г.»⁵⁴. Переписка по поводу издания произведений Стендаля прекратилась в марте 1937 г., в августе этого года Сверчков (личный друг Л. Д. Троцкого) был арестован и в апреле 1938 г. расстрелян. Арестован в 1938 г. и расстрелян в 1942 г. был и Пелузо, о котором писала Теряева.

В 1937 г. был арестован и в 1938 г. расстрелян В. Я. Зазубрин, после смерти А. М. Горького оставшийся без покровителя. В годы «большого террора» был расстрелян также весь командный состав знаменитой Тасеевской Республики. Варвара Прокопьевна была арестована вслед за мужем и в течение восьми лет находилась в Акмолинском лагере жен изменников Родины (АЛЖИР). (Отметим, что дачу Зазубриных в Переделкине занял А. А. Фадеев; именно здесь он позже застрелился.) Вероятно, после ареста Зазубриных их сына Игоря поддерживали помимо других родственников и Липилины: Ирина вспоминала, что она дружила с Игорем (который «был гениальным ученым») как в Канске, так затем и в Москве в 1938–1941 гг.⁵⁵. Игорь Зубцов погиб под Сталинградом во время Великой Отечественной войны.

Липилины после начала Великой Отечественной войны находились в эвакуации в Казани (именно оттуда И. П. Липилин написал письмо М. Ф. Андреевой), затем вернулись в Москву.

В ноябре 1945 г. В. П. Зазубрина-Теряева была освобождена из лагеря (но реабилитирована лишь в 1956 г. – вместе с расстрелянным мужем). Она окончила сельскохозяйственный техникум и работала агрономом во Владимирской области; выйдя на пенсию, поселилась в Москве. Судя по письмам к Г. И. Усольцевой, в последние годы М. П. Теряева постоянно общалась с сестрой. Их мать до конца своих дней жила в семье Липилиных и скончалась в 1951 г.

Вероятно, в Казани М. П. Теряева занималась преподавательской деятельностью, которую продолжила, вернувшись в Москву. Как выяснил Н. А. Паньков, до июля 1946 г. она работала в Московском государственном педагогическом институте иностранных языков [6]. В протоколе защиты (точнее, в реплике В. Я. Кирпотина она представлена как «кандидат наук в области западной литературы» [6], однако кандидатом наук Теряева не стала, хотя получила в первой половине 1940-х гг. ученое звание доцента. Ее педагогическая деятельность в московских вузах завершилась не ранее 1950 г.

Последняя по времени из обнаруженных нами публикаций М. П. Теряевой – статья к юбилею И. В. Гете «Великий немецкий поэт» в газете «Сельское хозяйство» (22 марта 1957 г.); судя по названию газеты, статья попала в нее благодаря ее сестре Августине.

⁵² Российский государственный архив литературы и искусства (далее – РГАЛИ). Ф. 2153.

Оп. 1. Д. 13. 3 л.

⁵³ РГАЛИ. Ф. 1698. Оп. 1. Д. 223. 12 л.

⁵⁴ РГАЛИ. Ф. 629. Оп. 1. Д. 202. 130 л.

⁵⁵ Липилина И. П. Письмо к Г. И. Усольцевой от 21.08.1984.

Установить точную дату смерти М. П. Теряевой нам пока не удалось. Последнее ее письмо к Г. И. Усольцевой написано в августе 1976 г. В 1984 г. в музей писала уже ее дочь, следовательно, ее к этому времени уже не было в живых. Переписка Теряевых–Липилиных с Усольцевой была связана с инициативой открытия музея в их канском доме, однако энтузиастам не хватило на это средств. Сегодня дом находится в запущенном состоянии, хотя на нем есть мемориальная доска, посвященная В. Я. Зазубрину.

Следует отметить, что М. П. Теряева высоко ценила творчество В. Я. Зазубрина, прежде всего, его роман «Два мира», в котором, в частности, была отражена и судьба ее родственников. Она подчеркивала, что в романе «счастливо сочетались две силы: возможности талантливого автора и добротность исходного материала... Автор... быстро распознал характерную черту сибиряков – “вольнолюбивость”, за которую они дорого платили в своей истории, в чем он смог убедиться по истории одной семьи... Роман... стал живым итогом исторических событий, одновременно пережитых автором и его героями»⁵⁶. Стоит упомянуть, что любимым писателем Зазубрина был Ф. М. Достоевский [14].

Заключение

Таким образом, реконструировав биографию М. П. Теряевой, мы приходим к выводу, что ее «образ», вошедший в бахтиноведение как однозначно негативный, заслуживает значительно более корректных и взвешенных оценок. На наш взгляд, в отношении данной персоны неуместны ирония, высокомерная насмешка и даже презрение, которые демонстрирует Н. А. Паньков. Реконструкция биографии Теряевой способствует пониманию ее мотивов: ее отношение к диссертации М. М. Бахтина было обусловлено отнюдь не какими-либо конъюнктурными соображениями – она была убежденным «борцом» с любыми (действительными или надуманными) отступлениями от тех идеалов, которые защищала с юности и которым осталась верна до конца своих дней.

Разумеется, масштаб личности и духовного мира М. П. Теряевой несопоставим с «космическим» масштабом личности и духовного мира М. М. Бахтина. Ее выступление на защите его диссертации можно рассматривать как досадную неудачу по-своему незаурядного человека со своей конкретной жизненной правдой, оказавшегося здесь «не на своем месте».

Статья вносит вклад в реконструкцию историко-литературного и социокультурного контекста, связанного с фигурой М. М. Бахтина, в устранение лакун в его научной биографии, в исследование его окружения. Сделанные автором выводы позволяют переосмыслить некоторые ключевые эпизоды истории академической жизни советского периода, избегая их упрощенных, однозначных трактовок. Материалы статьи могут быть полезны бахтиноведам, специалистам в области истории отечественной социально-гуманитарной науки.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Лепин Н. (Пинский Л. Е.). Памяти М. М. Бахтина // Синтаксис. 1980. № 7. С. 102–105.
2. Пинский Л. Е. Памяти М. М. Бахтина // Минимы. СПб. : Изд-во Ивана Лимбаха, 2007. С. 451–453.
3. Дубровская С. А. «Гоголь и Рабле» как сюжет отечественного литературоведения 1940–1980-х гг. // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2014. Т. 73, № 6. С. 62–71. URL: <https://izv-oifn.imli.ru/index.php/ru-ru/arkhiv/12-tom-73-6-2014/145-145> (дата обращения: 24.04.2024).

⁵⁶ М. П. Теряева (Липилина). Письмо к Г. И. Усольцевой от 25.08.1976.

4. Паньков Н. А. «От хода этого дела зависит все дальнейшее...» (Защита диссертации М. М. Бахтина как реальное событие, высокая драма и научная комедия) // Диалог. Карнавал. Хронотоп. 1993. № 2–3. С. 29–54.
5. Стенограмма заседания Ученого совета ИМЛИ им. А. М. Горького. Защита М. М. Бахтиным диссертации «Рабле в истории реализма» / публ. Н. А. Панькова // Диалог. Карнавал. Хронотоп. 1993. № 2–3. С. 55–100.
6. Паньков Н. А. Вокруг «Рабле» // Н. А. Паньков. Вопросы биографии и научного творчества М. М. Бахтина. М. : Изд-во Моск. ун-та, 2009. С. 91–417.
7. Кочурина С. А. История педагогического образования в Сибири и на Дальнем Востоке в условиях реализации государственной политики по введению всеобщего начального обучения в 1917 – начале 1930-х гг. Томск : Изд-во Томского гос. пед. ун-та, 2022. 354 с.
8. Папков С. А. Вивиан Итин на партийной чистке 1929 года: очередной шаг к гибели // Исторический курьер. 2022. № 1 (21). С. 89–97. <https://doi.org/10.31518/2618-9100-2022-1-9>
9. Пономарев С. А. Развитие педагогического образования в Западной Сибири в 1930–1941 гг. : дис. ... канд. пед. наук. М., 2018. 248 с.
10. Теряев В. П. Производственная практика педагогов фабзавуча // Сибирский педагогический журнал. 1924. № 5. С. 59–63.
11. Иванов В. В. Жизнь и смерть Владимира Зазубрина // Социально-экономический и гуманитарный журнал. 2024. № 2. С. 181–192. <https://doi.org/10.36718/2500-1825-2024-2-181-192>
12. Проскурина Е. Н. Неопубликованные письма В. Я. Зазубрина // Гуманитарные науки в Сибири. 1994. № 4. С. 61–67.
13. Сухих О. С. Воплощение «духа Великого инквизитора» в образе чекиста в повестях «Щепка» В. Зазубрина и «Шоколад» А. Тарасова-Родионова // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2011. № 5 (1). С. 294–300. <https://elibrary.ru/pjfaqj>
14. Сырьева Е. И., Смирнов С. Р. Гуманизм В. Я. Зазубрина // Вестник Иркутского университета. 2023. Вып. 26. С. 139–140. URL: https://isu.ru/export/sites/isu/ru/science/publication/galleries/docs/2023_Vol_26_ISU_Bulletin.pdf (дата обращения: 11.10.2024).
15. Федорова В. И. Енисейская губерния 1861–1917 гг.: экономика, общество, культура. Красноярск : Красноярский гос. пед. ун-т им. В. П. Астафьева, 2016. 342 с.

REFERENCES

1. Lepin N. (Pinsky L.E.). [In Memory of M.M. Bakhtin]. *Sintaksis*. 1980;(7):102–105. (In Russ.)
2. Pinsky L.E. [In Memory of M.M. Bakhtin]. In: [Minims]. St. Petersburg: Ivan Limbach Publ., 2007. p. 451–453. (In Russ.)
3. Dubrovskaya S.A. “Gogol and Rabelais” as a Plot of Russian Literary Criticism in the 1940s–1980s. *Izvestiya RAS. Literature and Language Series*. 2014;73(6):62–71. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <https://izv-oifn.imli.ru/index.php/ru-ru/arkhiv/12-tom-73-6-2014/145-145> (accessed 24.04.2024).
4. Pankov N.A. [‘Everything That Follows Depends on How This Business Turns out...’ (The Defense of M.M. Bakhtin’s Dissertation as Real Event, as High Drama and as Academic Comedy)]. *Dialogue. Carnival. Chronotope*. 1993;(2–3):29–54. (In Russ.)
5. [The Transcript of the Meeting of the Academic Council of the A.M. Gorky Institute of World Literature. The Defense of M.M. Bakhtin’s Dissertation ‘Rabelais in the History of Realism’ (publ. by N.A. Pan’kov)]. *Dialogue. Carnival. Chronotope*. 1993;(2–3):55–100. (In Russ.)
6. Pankov N.A. [Around ‘Rabelais’]. In: [Issues of the Biography and Scientific Work of M. M. Bakhtin]. Moscow: Izdatelstvo Moskovskogo universiteta; 2009. p. 91–417. (In Russ.)
7. Kochurina S.A. [The History of Pedagogical Education in Siberia and the Far East in the Context of the Implementation of State Policy on the Introduction of Universal Primary Education in 1917 – early 1930s.] Tomsk: Izdatelstvo Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta; 2022. (In Russ.)
8. Papkov S.A. Vivian Itin at the Party Purge of 1929: Another Step towards Destruction. *Historical Courier*. 2022;(1):89–97. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.31518/2618-9100-2022-1-9>
9. Ponomarev S.A. [Development of Pedagogical Education in Western Siberia in 1930–1941. Cand. Ped. Sci. Diss.]. Moscow; 2018. 248 p. (In Russ.)
10. Teryaev V.P. [Industrial Practice of Factory Apprenticeship Teachers]. *Siberian Pedagogical Journal*. 1924;(5):59–63. (In Russ.)
11. Ivanov V.V. The Life and Death of Vladimir Zazubrin. *Social, Economic and Humanitarian Journal*. 2024;(2):181–192. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.36718/2500-1825-2024-2-181-192>

12. Proskurina E.N. [Unpublished Letters of V. Ya. Zazubrin]. *Humanitarian Sciences in Siberia*. 1994;(4):61–67. (In Russ.)

13. Sukhikh O.S. The Embodiment of the Spirit of the Grand Inquisitor in the Image of the Cheka Official in the Novels 'The Chip' by V. Zazubrin and 'Chocolate' by A. Tarasov-Rodionov. *Bulletin of the Nizhny Novgorod University named after N.I. Lobachevsky*. 2011;5(1):294–300. (In Russ., abstract in Eng.) <https://elibrary.ru/pjfaqj>

14. Syryeva E.I., Smirnov S.R. Humanism of V.Ya. Zazubrin. *Bulletin of Irkutsk University*. 2023;(26):139–140. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: https://isu.ru/export/sites/isu/ru/science/publication/.galleries/docs/2023_Vol_26_ISU_Bulletin.pdf (accessed 11.10.2024).

15. Fedorova V.I. [The Yenisei Province in 1861–1917: Economy, Society, Culture]. Krasnoyarsk: Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafiev Publ.; 2016. (In Russ.)

Об авторе

Ключева Ирина Васильевна, кандидат философских наук, доцент кафедры культурологии и библиотечно-информационных ресурсов, аналитик Центра М. М. Бахтина Национального исследовательского Мордовского государственного университета (430005, Российская Федерация, г. Саранск, ул. Большевикская, д. 68),

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0392-3228>

SPIN-код: 7205-8697,

e-mail: klyueva_irina@mail.ru

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Поступила 03.02.2025; одобрена после рецензирования 31.03.2025; принята к публикации 04.04.2025.

About the author

Irina V. Klyueva, Cand.Sci. (Philos.), Associate Professor, Associate Professor in the Department of Culturology and Library Information Resources, analyst in M.M. Bakhtin Center, National Research Mordovia State University (68 Bolshevistskaya St., Saransk 430005, Russian Federation),

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0392-3228>,

SPIN-code: 7205-8697,

e-mail: klyueva_irina@mail.ru

The author has read and approved the final manuscript.

Submitted 03.02.2025; revised 31.03.2025; accepted 04.04.2025.